

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.18>

Мухамеджанова Нурия Мансуровна

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

В статье рассматривается процесс модернизации с позиций культурно-антропологического подхода как переход от homo religious к homo economicus. Ценностным фундаментом традиционного общества была религия, которая в течение многих веков выступала как мощный антиэнтропийный механизм, обеспечивающий выживание человечества. В современном обществе доминирующей сферой общественной жизни становится экономика, что ведет к разрушению общества, природы, человека. Отказ от приоритета экономики над культурой, подчинение экономики высшим принципам культуры - таково, на взгляд автора, условие самосохранения общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 83-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Малькова Т. П.** Техническое образование в информационном обществе // *Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов Российской академии наук* (г. Москва, 30-31 марта 2017 г.) / Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана; Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. С. 200-203.
8. **Митчем К.** Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. 149 с.
9. **Овчарова Е. В.** Позитивное и негативное влияние инновационных технологий на творчество человека в современном мире // *Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы Четвертой всероссийской научно-практической конференции* (г. Нижний Новгород, 24 апреля 2013 г.). Нижний Новгород: Изд-во НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2013. С. 182-187.
10. **Черникова И. В.** Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 26-35.
11. **Энгельмейер П. К.** Нужна ли нам философия техники? // *Инженерный труд*. 1929. № 2. С. 36-40.
12. **Юдин Б. Г.** Технонаука и «улучшение» человека // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2016. № 2 (48). С. 18-27.

PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY: MODERN PROBLEMS OF THE THEORY DEVELOPMENT

Mal'kova Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
t.p.malkova@yandex.ru

The article analyzes the phenomenon of technology, technical reality and substantiates the topicality of the development of a specialized discipline – philosophy of technology. Modern interpretations of the phenomenon of technical reality and the author's understanding of new trends in its change are given. Particular attention is paid to the subject of technical creativity, which is regarded as a carrier, consumer and creator of the technosphere and the infosphere. Current problems and the latest laws of the development of science as a complex phenomenon are highlighted. The author substantiates the conclusion about the need to develop philosophy of technology in order to study the technosphere as a component of human being for effective management of new technical reality.

Key words and phrases: technology; technical reality; philosophy of technology; matrix of philosophy of technology; subject of technical creativity; patterns of technosphere development; technogenic civilization.

УДК 1; 304.2

Дата поступления рукописи: 10.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.18>

В статье рассматривается процесс модернизации с позиций культурно-антропологического подхода как переход от homo religios к homo eopoticus. Ценностным фундаментом традиционного общества была религия, которая в течение многих веков выступала как мощный антиэнтропийный механизм, обеспечивающий выживание человечества. В современном обществе доминирующей сферой общественной жизни становится экономика, что ведет к разрушению общества, природы, человека. Отказ от приоритета экономики над культурой, подчинение экономики высшим принципам культуры – таково, на взгляд автора, условие самосохранения общества.

Ключевые слова и фразы: модернизация; традиционное общество; современное общество; протестантизм; экономика капитализма; качество жизни; культура.

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, д. культурологии, доцент
Оренбургский государственный университет
nuriyat@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Как известно, одной из основных целей культурологического исследования является задача создания концепции типа личности, характерного для той или иной социокультурной эпохи, поскольку культура представляет собой субъектный (личностный) аспект истории, содержание которого формируется в силу и в меру самосознания и самореализации человека [7]. Именно личность репрезентирует наиболее существенные черты той или иной социокультурной эпохи, ее ценности, идеалы, представления об окружающем мире. Рассмотрим с данной позиции процесс модернизации общества.

В современной социогуманитарной литературе модернизация трактуется как системный, комплексный процесс, сутью которого является переход от аграрного общества к индустриальному, или от традиционного к современному. При этом в качестве определяющих черт традиционного общества называются следующие: статичность, ориентация на традицию и табуирование новаций, сосредоточенность на духовных (религиозных) ценностях, коллективизм, циклический характер развития, авторитарный характер власти и др. Современное же общество по своим базовым характеристикам противоположно обществу традиционному и может быть представлено как система следующих черт: динамизм, ориентация на новацию и совершенствование

всех сфер общественной жизни, индивидуализм, политический плюрализм, развитое гражданское общество, правовое демократическое государство и др.

Однако, по мысли философов, в процессах модернизации иным, современным, становится не только общество, но и человек, отличительными чертами которого являются открытость по отношению к использованию новых видов деятельности и новых технологий; мобильность, рационализм; относительная свобода от авторитетов; стремление к карьерному росту; политическая активность и др. Именно такая личность обеспечивает успех проводимых в обществе реформ [14, с. 12].

Следует заметить, что понятия «традиционный человек» и «современный человек» (как и «традиционное общество» и «современное общество») являются «идеальными типами», весьма далекими от их реального воплощения в конкретных культурах. Каково же реальное культурно-антропологическое содержание процесса модернизации?

В культурно-антропологическом аспекте модернизация может трактоваться как процесс перехода от *homo religious* к *homo economicus*, поскольку мировоззренческим и ценностным фундаментом традиционного общества и традиционной культуры является религия. Именно религия в традиционном обществе формирует те идеалы, ценности и смыслы, которые регулируют поведение людей и обеспечивают возможность их взаимопонимания и общения. В этом смысле любая религия – это Метарассказ, «центральный смыслообразующий текст культуры, легитимирующий различные общественные институты по критерию истины, добра и красоты» [11, с. 215]. Как древнейший институт, призванный уменьшить экзистенциальную тревогу человека, религия ориентирует человека на духовное самосовершенствование и выполнение долга, позволяет обрести смысл индивидуального бытия и реализовать потребность в общении. Однако, как показывает исторический опыт, именно религия блокирует быстрые преобразования в традиционном обществе: в случае отсутствия духовной легитимации проводимых реформ возникает движение общества «вспять», циклический характер развития. Поэтому модернизация в традиционных обществах нередко сопровождается возникновением религиозно-реформаторских движений, целью которых становится адаптация религии к процессам модернизации, происходящим в обществе.

Такой культурной мутацией традиционной религии в XVI веке стал протестантизм, благодаря которому происходит «сублимация религиозной энергии в энергию предпринимательства» [Там же, с. 164] и который, как доказал М. Вебер, стал главным фактором развития западных стран. Однако протестантизм способствовал распространению принципов экономической рациональности на все сферы жизни общества: религиозную, культурную, сферу межличностных отношений и т.д. «Глубокое безразличие по отношению к ближнему, доходящее иногда до презрения, таково условие, благоприятствующее экономическому соперничеству и индивидуальному преуспеянию. Предприниматель не стеснен ни семейной, ни потомственной солидарностью, ни лояльностью по отношению к единоверцам» [10, с. 257]. Довольство, вызываемое отношениями с миром вещей, он предпочитает удовольствию от отношений с другими людьми, с человеческим миром.

Утверждение протестантизма приводит к окончательному разрушению всех «пережитков» традиционной культуры: семейных, дружественных, родственных связей, религиозных и мировоззренческих ценностей, традиций солидарности и коллективизма, ориентаций на духовные ценности и идеалы. Свобода личности от авторитета церкви и государства, провозглашенная протестантизмом, приводит к отчуждению и разобщенности людей, разрушению подлинной общественной жизни, следствием чего становится «отказ от самого общества в пользу экономической деятельности» [Там же]. Окончательным итогом религиозной реформации становится «экономический человек» – рационально мыслящий, свободный от неформальных отношений и связей, ориентированный на материальное потребление и деловой успех – оптимальная среда для функционирования экономики капитализма.

Таким образом, протестантизм, признанный М. Вебером источником активного развития Запада, становится также источником его духовных проблем, о чем свидетельствует статистика самоубийств и других деструктивных действий в протестантских странах, радикально отличающая их от стран католической культуры [4]. Подобные изменения в духовной сфере западных обществ могут интерпретироваться как следствие эффекта системности культуры, все части которой взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Поэтому изменение, казалось бы, незначительных, часто формальных элементов культуры приводит к неизбежной, хотя и медленной трансформации всей социокультурной системы.

В XX веке в условиях доминирования западной цивилизации модернизация становится мировой тенденцией развития. Однако в незападных странах, не имеющих духовных предпосылок капиталистического развития, подобных протестантской этике, модернизация часто оборачивается «победой жадности над экономическим интересом, авантюристов и криминальной публики, войны всех против всех» [13, с. 36]. Идеи правового демократического государства, политического плюрализма и гражданского общества, идеи свободы и творчества вытесняются безграничным практическим консюмеризмом. В культурно-антропологическом смысле это порождает не экономический рационализм и трудовую аскезу, а неприкрытую жадность и страсть к обогащению любыми средствами – на одном полюсе общества, и стремление выжить в жестких условиях первоначального накопления капитала – на другом.

Не религия, а экономика становится ведущей сферой общественной жизни, на службу которой поставлены практически все социальные институты: средства массовой информации, наука, образование и, в конце концов, сам человек, который становится ресурсом экономики, поскольку уровень его потребления определяет возможности экономического развития страны. Как следствие «рутинизации харизмы» массовым типом личности становится не столько предприниматель, буржуа, о котором писал М. Вебер, сколько потребитель –

современная ипостась «экономического человека». Потребление становится основным содержанием жизни человека, определяя его отношение к себе, к миру и другим людям, его психологическое самочувствие и самооценку. «Прежде, в культуре доброго старого времени, чувство неполноценности могло возникать на базе профессиональной несостоятельности личности. Сегодня такая несостоятельность мало кого волнует, ибо массовый человек идентифицирует себя преимущественно как потребитель. Нередко он готов выполнять самые унижительные, по меркам собственно профессиональной этики или этики вообще, роли, лишь бы оставаться на высоте как потребитель, носящий знаки приобщения к современности» [11, с. 371].

В традиционном обществе религия, признавая необходимость хозяйственной деятельности, тем не менее, отводила ей низкий статус, отрицательно относилась к накоплению благ как самоцели. Кроме того, «она создавала механизм частичного перераспределения как духовных, так и материальных благ» [5, с. 174] через религиозный налог, пожертвования и милостыню, что в некоторой степени снижало уровень различий в благосостоянии людей; «формировался обширный и общедоступный религиозный институт, который заботится об устройении всех, кто к нему принадлежит...» [Там же]. Религия способствовала снижению уровня притязаний человека на реальные земные блага, либо отрицая их значимость, либо отодвигая их реализацию в будущее, в «иной мир». В современном же обществе разрыв между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения становится настолько огромным, что «революция притязаний» становится мощным фактором дестабилизации общества даже в самых благополучных странах Запада. Как доказал еще Р. Мертон, такой разрыв между целями личности и возможностями их осуществления, с одной стороны, является источником преступности, девиантных форм поведения, с другой – порождает депрессии, неудовлетворенность личности, разочарованность и ощущение полной беспомощности [9]. Современная цивилизация «оставляет человека на растерзание собственным желанием, одержимого страстями, которых он не может удовлетворить, и заставляет желать невозможного. Желанию, по его природе, свойственно никогда не исполняться, а его предмет кажется удаляющимся по мере приближения к нему, как линия горизонта, убегающая перед кораблем. Этот поиск наслаждения, еще более безнадежный, чем поиски Грааля, восстает против каждого и против самого себя. Он истощает и деморализует личность, обрекает на узнать лишь неудовлетворенные страсти и преследовать бессмысленные цели» [10, с. 112].

Главной ценностью современного человека становятся деньги, значимость которых определяется, прежде всего, их компенсаторной функцией, а именно способностью компенсировать дефицит доверия, безопасности, общественного признания. В условиях разрушения общественных связей и атомизации общества деньги становятся единственным надежным способом решения любых человеческих проблем. Деньги становятся универсальным мерилем всех ценностей, нивелируя своеобразие вещей и подчиняя творчество законам капиталистического производства. «Выражая качественные различия между ними одним критерием количества» [6], деньги уравнивают Шекспира и Донцову, Моцарта и Киркорова. В эпоху тотальной рационализации и торжества денежного хозяйства «киссаяет духовная энергия, угашается дух – источник культуры» [2, с. 172]. Поэтому в индустриально-капиталистическую эпоху «невозможен ни Шекспир, ни Байрон, ни Данте, ни Микеланджело. Величайшие произведения культуры становятся лишь музейными экспонатами, лишь “трусами красоты”, служащими для украшения жизни и не приобщенными к вечности» [Там же, с. 169].

Религия, являясь фундаментом традиционной культуры, в течение многих веков выполняла культурно-созидающую и культурно-транслирующую функции, способствуя развитию письменности, книгопечатания, искусства, образования, обеспечивая сохранение и развитие культурных ценностей, передачу культурного наследия от поколения к поколению. По мысли В. В. Вейдле, именно религиозная вера является источником истинного искусства: «Художественный опыт есть в самой глубине своей опыт религиозный, потому что изъяснения веры не может не заключать в себе каждый творческий акт, потому что мир, где живет искусство, до конца прозрачен только для религии» [3, с. 158]. Однако торжество научно-технической цивилизации и мировоззрения, основанного на требованиях науки, приводит к утрате религиозной веры, экспансии рациональных методов в сферу искусства, культуры, а сам человек превращается в рассудочное, безликое, бездуховное существо, уже не способное к подлинному творчеству: «Только в опустошенной душе мог утвердиться мир бездушный, переполненный бездушными вещами» [Там же, с. 100]. Поэтому причиной «умирания искусства» является духовное состояние современного человека, и преодоление кризисных процессов возможно только через возрождение религиозной веры.

Таким образом, религия в течение многих веков выступала как мощный антиэнтропийный механизм, обеспечивающий стабильность и устойчивость общества, солидарность и социальный порядок, справедливое распределение общественных благ, а следовательно, обеспечивала жизнеспособность традиционного общества. Современное же общество, основанное на рыночных отношениях, не способно справиться даже с решением фундаментальных проблем, угрожающих всему человечеству. Сказанное вовсе не означает, что человечество должно вернуться к некоей новой религиозной эпохе, «новому средневековью» или идеациональной культуре, когда религия вновь станет важнейшим институтом общества. Да и вряд ли это возможно в ближайшем будущем. Сказанное означает, что приоритет экономики, экономической целесообразности над социокультурной целостностью ведет к разрушению общества, природы, человека. Теория модернизации (как, впрочем, и формационная теория), сформировавшаяся в эпоху индустриализации и отражающая успехи именно в этой области, исходила из доминирования экономики над всеми другими сферами общественного бытия, видела в экономике ведущую детерминанту общественного развития. Такой была и логика развития западной цивилизации, ориентированная на общество потребления и исходящая из приоритета экономики, рыночной деятельности над другими сферами жизни общества [12, с. 153-156]. Западная модель развития,

освободившая человека от власти общества, государства, церкви, превратила его в «слугу» экономики. В ней все меньше остается места для человека и гуманных отношений.

Как показывают современные исследования, подобный акцент на экономике характерен для стадии первичной модернизации, связанной с индустриальной эпохой в развитии человечества. Для вторичной модернизации, связанной с информационной эпохой, характерны другие индикаторы развития, важнейшим из которых является качество жизни [8]. Качество жизни – комплексный показатель социального развития, включающий в себя как объективные параметры (продолжительность жизни, состояние здоровья населения, состояние природной и социальной среды, условия труда и отдыха, доступность культурных ресурсов, уровень образования населения, состояние семьи, этнокультурная безопасность и т.д.), так и субъективные (социальное самочувствие и социальное благополучие, чувство безопасности и социальной защищенности, удовлетворенность своим положением в обществе, удовлетворение культурных потребностей и т.д.). Именно данные параметры выступают сегодня в качестве целевых ориентиров социального развития.

Кроме того, современные исследования доказывают: эффективность проводимых в обществе реформ во многом определяется их соответствием ценностно-смысловому ядру культуры: ее традициям, менталитету, базовым ценностям. Продолжая традицию М. Вебера, современные исследования утверждают приоритет культуры над экономикой, подчинение экономики культурной, цивилизационной специфике. Экономика рассматривается не в качестве главного двигателя общественного прогресса, а сферы, назначение которой состоит в сохранении и укреплении социума, развитии культуры, создании достойных условий для жизни и развития человека. А это значит, что индивидуалистическое начало, без которого невозможна модернизация общества, должно быть подчинено высшим – духовным, нравственным – принципам культуры, без которых невозможно самосохранение общества. Именно о таком совмещении двух противоположных культурных установок писал Н. А. Бердяев: «Человек должен быть теоцентричен и организовать себя на божественном начале, в этом его образ, общество же должно быть антропоцентрично и организовываться на начале человечности» [1, с. 537].

Следовательно, дихотомическое противопоставление традиционного и современного общества в современном мире теряет смысл, поскольку наиболее перспективным для будущего человечества представляется общество, совмещающее в себе в режиме взаимодополнительности черты первого и второго: ориентацию на новацию и опору на традицию; использование традиции как предпосылки эндогенного развития; светский характер социальной жизни, но и значение религии в духовной жизни общества; сочетание цели и ценностной рациональности, мировоззренческих и инструментальных ценностей; развитие личностного начала и использование традиционных форм коллективности и т.п. А это означает, что теория модернизации лишается своей концептуальной определенности и может быть сведена к одной простой и неоспоримой истине: в социальном развитии страна должна идти своим путем, используя при этом достижения других народов и опираясь на собственную традицию.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. М. – Харьков: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. 624 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
3. Вейдле В. В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб.: Аксиома; Мифрил, 1996. 336 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
5. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 523 с.
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).
7. Злобин Н. С., Туровский М. Б. Культура, личность, история // Культура – традиции – образование: ежегодник. М.: Рос. ин-т культурологии, 1995. Вып. 3-4. Постигание культуры. С. 9-21.
8. Лапин Н. И. Об опыте стадийного анализа модернизации // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 53-65.
9. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
10. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
12. Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. М.: МАТИ – РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002. 267 с.
13. Федотова В. Г. Когда нет протестантской этики... // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 27-44.
14. Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 3-27.

MODERNIZATION AS A CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL NOTION

Mukhamedzhanova Nuriya Mansurovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Orenburg State University
nuriyam@yandex.ru

The article examines the process of modernization from the standpoint of the cultural-anthropological approach as a transition from *homo religious* to *homo economicus*. The value basis of the traditional society was religion, which for many centuries acted as a powerful anti-entropic mechanism ensuring the mankind's survival. In the modern society, the dominant sphere of public life is economics, which leads to the destruction of the society, nature and the man. In the opinion of the author, the condition for the self-preservation of the society is refusal from the priority of economics over culture, subordination of economics to the higher principles of culture.

Key words and phrases: modernization; traditional society; modern society; Protestantism; economics of capitalism; quality of life; culture.